

23. Hazard P. Cosmopolite // Melanges d'histoire litteraire generale et comparee offerts a Fernand Baldensperger: 2 vols. Paris: Honore Champion, 1930. Vol. I. P. 354 – 364
24. Див.: Костырченко Г. В плену у красного фараона. – М.: Международные отношения, 1994. Гл. 4. Див. також: Костырченко Г. Сталин против “космополитов”. Власть и еврейская интеллигенция в СССР. – М.: РОССПЭН, 2009
25. Див.: Асмус В. Фашистская фальсификация немецкой классической философии. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1942. – С. 6, 18.
26. Див.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. – С. 314, С. 319
27. Батырина Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. – С. 69
28. Див.: Азадовский К., Егоров Б. Космополиты // НЛО. 1990. № 36. С. 83 – 135; Azadovskii K., Egorov B. From Anti-Westernism to Anti-Semitism // Journal of Cold War Studies. 2002. Vol. 4. № 1. P. 66 – 80; Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие “грехи”: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940 – 1950-х годов // НЛО. 2009. № 97.
29. Нусинов И. Пушкин и мировая литература. М.: Советский писатель, 1941.
30. Див.: Tihanov G. Cosmopolitans without a Polis: Towards a Hermeneutics of the East – East Exilic Experience (1929 – 1945) // The Exile and Return of Writers from East-Central Europe / Ed. by J. Neubauer and Z. Torok. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. – P. 123 – 143.
31. За плідні дискусії я хочу подякувати колегам з Інституту вивчення космополітичної культури (RICC) Манчестерського університету, особливо Ніну Глік-Шиллер, Джекі Стейсі і Джіан Пракаш. Матеріал, використаний в цій статті, був представлений на лекціях і семінарах в Тюбінгені, Сен-Галлені, Берліні, Відні, Ессексі, Абердіні, Принстоні, Москві та Софії. Мої подяки Шамм Шачадат, Доротеї Кіммі, Ульріху Шміду, Хенріку Шмід, Георгу Вітте, Тімоті Снайдеру, Кшиштофу Міхальські, Івану Крастеву, Сані Бахуні-Радунович, Девіду Даффу, Джіан Пракаш, Сергію Зенкіну, Діані Мішкової та їх колегам за гостинність і добрі бесіди.

Переклад на українську Вікторії Суковатої

УДК 167. 21

Г.Г. Старикова

Харьковский национальный университет радиоэлектроники
канд. филос. наук, доц. каф. философии, доцент

ВЛИЯНИЕ АУТОПОЭЗИСА ЭТНОСА НА СТРУКТУРУ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена вопросу о причинах и особенностях формирования национальной специфики естественного языка. Язык рассматривается не как застывший феномен, в котором анализируется его структура. Главное внимание обращается на творческий, активно-деятельный характер языка. В связи с этим анализируются причины и особенности формирования национально-языковой специфики у различных этносов. Рассматривается особая роль, которую играет праксис и аутопоэз народа в создании национально-языковой картины мира.

Ключевые слова: естественный язык, национально-языковая картина мира, аутопоэзис, праксис, языковые сенсibiliти, безэквивалентная лексика.

Г.Г. Старікова

ВПЛИВ АУТОПОЕЗИСУ ЕТНОСУ НА СТРУКТУРУ І ФУНКЦІОНУВАННЯ НАЦІОНАЛЬНОЇ МОВИ

Стаття присвячена питанню про причини і особливості формування національної специфіки природної мови. Мова розглядається не як застиглий феномен, в якому аналізується його структура. Головну увагу звертається на творчий, активно-діяльний характер мови. У зв'язку з цим аналізуються причини і особливості формування національно-мовної специфіки у різних етносів. Розглядається особлива роль, яку відіграє праксис і аутопоезис народу в створенні національно-мовної картини світу.

Ключові слова: природна мова, національно-мовна картина світу, аутопоезис, праксис, мовні сенсibiliї, безеквівалентна лексика

G.G. Starikova

THE INFLUENCE OF AUTOSPOESIS OF ETHNOS ON STRUCTURE AND FUNCTIONING OF THE NATIONAL LANGUAGE

The article is devoted to the question of the causes and peculiarities of the formation of the national specificity of natural language. Language is seen not as a frozen phenomenon, in which its structure is analyzed. The main attention is drawn to the creative, active-active character of the language. In this connection, the causes and peculiarities of the formation of the national-linguistic specificity among different ethnic groups are analyzed. The special role played by praxis and autopoiesis of the people in the creation of the national language picture of the world is considered.

Key words: natural language, national language picture of the world, autopoiesis, praxis, linguistic sensitivities, equivalent vocabulary.

Вступление. Лингвистическая философия – один из ведущих разделов современной философии. За последние сто лет исследователями проанализировано множество важных аспектов философии языка. Мы хотели бы обратить внимание на один из них, смысл и важность которого по-разному понималась на разных этапах развития данной проблематики. Речь идет об активной составляющей естественного языка, ее влиянии на национальную специфику и формирование национально-языковой картины мира. В лингвистике вплоть до второй половины XX века господствовал подход, основанный на структуралистских и постструктуралистских взглядах на феномен естественного языка. В трудах философов и лингвистов преобладала тенденция изучения продуктов языковой деятельности – она доминировала в сравнительно-историческом языкознании; в концепции Ф. де Соссюра и трудах Женевской школы; в функциональном структурализме Пражского лингвистического кружка; в американском дескриптивизме и др.

Однако во второй половине XX века, в «изменившихся условиях историчности языка» (по словам М. Фуко), когда осмыслялось новое геополитическое пространство и концептуализировалось формирующееся постиндустриальное общество, стал особенно востребован интегральный подход к феномену языка, не замкнутый на проблемах внутренней лингвистики, а выводящий к широким семантическим и философским проблемам и экстралингвистическим категориям. В результате в современной лингвистике произошла смена парадигм – сформировалась антропоцентристская, культурно-исторически ориентированная лингвистика, стремящаяся познать тайну языка как живого организма, способного не просто к саморазвитию и саморефлексии, но также к моделированию новых исторических реалий и социальных структур, обладающего потенциалом опережения и прогностической валидностью.

Эти особенности всегда были присущи языку, но стали заметны и потому попали в поле зрения исследователей сравнительно недавно, поскольку ускорение общественного и культурного развития привело к ускорению, в частности, и

семиотических процессов в культуре. В результате изменилось отношение к языку – представление о языке как о чем-то стабильном сменилось пониманием динамичности существования феномена языка, его постоянной изменчивости. Такое видение проблемы стимулировало исследования ранее не изучавшихся особенностей языка, его структурных и функциональных компонентов. В частности, становится особенно **актуальным** изучение национальных языков в их семантической и общелингвистической специфике, исследование происхождения и причин существования такой специфики. На наш взгляд, основной причиной такого национально-языкового своеобразия является специфика праксиса того или иного народа в его историческом и современном бытии. Поэтому **цель** данной работы – проанализировать некоторые уровни естественного языка, в которых находит свое отражение своеобразие бытия этноса, и выявить активную роль праксиса в формировании данных элементов языка.

Следует отметить, что такой подход отнюдь не нов для лингвистики. Действительно, еще в конце XIX века в концепции, разработанной В. фон Гумбольдтом, впервые была сформулирована идея о творческом и активно-деятельном характере языка, об обратном воздействии языков на национальный дух и интеллектуальный уровень народов. Две стихии – язык и духовная деятельность – попеременно обуславливающие друг друга, поочередно дающие друг другу импульс для дальнейшего развития, в то время представлялись ему «узлами, упорно не дающими себя распутать». Вместе с тем, несмотря на невозможность проникнуть в сущность явлений и предугадать их, в сочинениях В. Гумбольдта со всей очевидностью раскрывается цикличность движения: с одной стороны, язык как создание индивидов и творение наций «всегда... опирается на совокупность человеческой духовной силы» [1, с. 66]; с другой стороны, сам язык воздействует на человека и человечество, и «главное воздействие языка на человека обуславливается его мыслящей и в мышлении творящей силой; эта деятельность имманентна и конструктивна для языка» [1, с. 58].

Ядром гумбольдтовской концепции языка считается определение, ставшее монументальным моментом истории языкознания: «Язык не есть продукт деятельности, а деятельность» [1., с.70]. Это определение уточняется в следующих словах: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (эргон), но как созидающий процесс (энергейя)» [1., с.69]. На фоне предшествовавшей западной лингвистической традиции определение В. Гумбольдта было революционным и до настоящего времени сохранило потенциал продуктивной научной модели, отнюдь не став отжившим фактом истории познания. Вышеобозначенная антитеза «эргон-энергейя» предопределила дальнейшее разделение лингвистических учений по двум основным направлениям. До середины XX в. гумбольдтовская традиция в философии языка практически не поддерживалась и не развивалась. Однако еще на рубеже XIX – XX вв. она оказалась плодотворной, например, для отечественной философии и лингвистики. Так, известный языковед, философ, фольклорист А.А. Потебня понимал язык как силу, творящую и преобразующую мысль. В своей книге «Мысль и язык» он утверждал, что язык не есть отражение мирозерцания, а слагающая его деятельность [2, с. 156]. Оригинальным преломлением гумбольдтовских идей стала так называемая «философия имени» – самобытное течение в русской философии 10 – 20-х гг. XX в., представленное трудами П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева.

Аналогично понимает языковой процесс М. Фуко: «Грамматические структуры языка оказываются априорными предпосылками всего, что может быть высказано» [3, с. 321]. По мысли французского философа, язык связывается с цивилизациями на уровне достигнутого ими познания через дух народа, который их породил, одушевил и может узнавать в них себя (языковая и т.п. самоидентификация). Язык, став «весомой и плотной исторической реальностью», образует вместилище традиций, привычек мысли,

«темного духа народов» и вбирает в себя «родовую память, даже не осознающую себя памятью». «Выражая свои мысли словами, над которыми они не властны, влагая их в словесные формы, исторические изменения которых от них ускользают, люди полагают, что их речь им повинуетя, не ведая о том, что они сами подчиняются ее требованиям» [3, с.321].

Логическим продолжением идей Гумбольдта про разные языки как различные способы видения мира и интерпретации его человеческими сообществами стала гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, разработанная в 30-е годы минувшего столетия. В ней декларировался абсолютный примат языка над категориями мышления и сознания: «Формирование идей не является независимым процессом, строго рациональным в привычном, традиционном понимании, а частью определенной грамматики. Мы расчленим природу по линиям, предложенным нашим родным языком, ... организуем ее в понятия и приписываем ей значения так, как мы это делаем, в значительной мере потому, что мы являемся участниками договора организовывать ее таким образом – договора, который предлагает нам наше языковое содружество и который формируется в систему по образцам нашего языка. Договор, естественно, неявный, «неоформленный», но его условия абсолютно обязательны» (4, с. 184 – 185).

Для более эффективного изучения данной проблемы необходимо обратиться к концепции аутопоэзиса, согласно которой реальная деятельность становится источником и основой формирования/проявления психических свойств, в том числе и высших. Доязыковые формы деятельности человека, т.е. его аутопоэзис, определяют его способы взаимодействия с реальностью, из которых проистекают и способы восприятия мира. При этом следует подчеркнуть, что такая «деятельность в мире», такое взаимодействие с реальностью осуществляется изначально на бессознательном уровне и, как правило, на этом же уровне остается, касается ли это птиц, высших млекопитающих или человека.

Богатство и разнообразие лингвокультурных концептов, связанных с самобытным жизненным укладом народа, вызваны к жизни прежде всего практической необходимостью. Например, если какой-то фрагмент жилища носит определенное название, это обуславливалось не только объективным (предметным) существованием соответствующих элементов в предметном мире, но и, в первую очередь, необходимостью быстрой ориентации и взаимопонимания в процессе совместной жизнедеятельности. Иными словами, двойную, когнитивно-коммуникативную роль этнической терминологии и соответствующих категорий опыта можно понять только на более широком фоне социокультурных референций, в том числе через отношение лексем к фоновым, праксеологическим знаниям. «Нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых живет народность». – писал А. Мейс в своей работе «Сравнительный метод в историческом языкознании» [цит. по 5, с. 204]. Развивая эту мысль, можно сказать, что мы не только не способны понять/постичь язык вне обстоятельств, в которых живет народ, но и что сам язык дает нам замечательный ключ к глубинному пониманию этих обстоятельств. Как отмечал Р. Кысь, «следы такого праксиса как специфических структур и форм жизнедеятельности и житнетворчества в микроструктуре слов дают основания утверждать, что начальная довербальная ступень смыслотворчества на уровне представлений, образов в лоне непосредственного практического опыта предшествовала вербализации-концептуализации смыслов, а, следовательно, «отливке» этих смыслов в отдельные категории языковой (лингвокультурной) картины мира» [5, с. 187].

Для подобных исследований в философии языка по-прежнему актуальным остается изучение структурно-функциональных особенностей естественного языка. Такой подход в лингвистике носит название синхронного. Однако, на наш взгляд, не менее важно обратить внимание на процесс формирования и развития языка, который в

«свернутом» виде воплощен в его актуальном состоянии. Рассмотрение языка с динамической точки зрения получило название диахронного подхода. Мы предполагаем использовать оба подхода для исследования тех имплицитных составляющих языка, которые формируются в процессе естественного бытия народа. Этот пласт языка неявно присутствует на всех лингвистических уровнях, в нем заключены базовые для каждого языка нормы, правила и схемы мышления об окружающем мире, основополагающие принципы национально-языковой картины мира, т.е. те внутренние характеристики языка, которые и обеспечивают, наряду с лексическими и грамматическими особенностями, этническую, национальную специфику данного языка. Здесь закладываются способы восприятия реальности, принципы формирования, структурирования и функционирования семантического поля языка, допустимые способы формулировки смыслов с помощью речи. По сути, именно основанный на аутопоэзе этноса имплицитный уровень является определяющим как для словарного запаса языка (что именно из реальной действительности находит языковое выражение и каким образом) и правил морфологии, так и для особенностей его грамматической и синтаксической организации.

В процессе становления естественного языка исходным этапом следует считать формирование семантического поля, которое происходит в течение многих тысячелетий и берет свое начало в дочеловеческом этапе возникновения *homo sapiens*. С формированием человека как особого вида начинается становление специфически человеческого семантического поля будущего языка. Это смысловое поле как раз и определяется спецификой праксиса того или иного этноса, т.е. особенностями взаимодействия с окружающим миром и спецификой хозяйственной деятельности, диктуемой природным своеобразием того фрагмента реальности, в котором происходило возникновение и развитие данного этноса. В исследованиях на эту тему отмечается, что возникновение языковых национально-специфических форм детерминировано двумя основными факторами: 1) фрагментом реального мира, который влияет на коллективное сознание этноса (имеется в виду природная среда этнического коллектива и материальная культура артефактов, созданная народом); 2) особенностями коллективного этнического сознания, которые проявляются в неодинаковости логического оперирования одними и теми же реалиями внешнего мира, в разнообразии проявлений «наивного» обыденного сознания (его эмоционально-оценочных, социально-ценностных, морально-этических компонентов) [6, с. 8].

В результате изначально в семантическое поле и в поле восприятия народа входят только те характеристики среды, которые имеют значение для выживания и приспособления, а в дальнейшем – те, которые включены в непосредственно-практическую, хозяйственную деятельность и влияют на повседневный быт этноса. Поэтому в окружающей среде уже на чувственном уровне выделяются значимые свойства, которые совместно формируют первичное семантическое поле и, в дальнейшем, национальную картину мира. Эти свойства получают звуковые обозначения, со временем трансформирующиеся в имена и слова языка.

Таким образом, первичное своеобразие семантического поля находит свое отражение в звуках начального этапа формирования естественного языка. Можно сказать, что природа начала семиотическую деятельность, а человек ее продолжил. Уже в междометиях, восходящих к спонтанным эмоциональным реакциям на ситуацию, зарождается процесс конвенциализации звука. Он начинается тогда, когда пассивная реакция перерастает в активное действие (или побуждение к таковому). Показательной с этой точки зрения является сенсорно-рецептивная концептуализация действительности и ее системно-языковые ипостаси (фонетико-морфологический и лексический языковые ярусы). Восприятие предполагает акт категоризации, который определенным образом «канонизирует» перцептивный опыт, задавая первичные

параметры осмысления реалии: «... категоризация объекта при восприятии является основой для соответствующей организации действий, направленных на этот объект» [7, с. 18]. Казалось бы, единство биологической природы человечества должно было обусловить и одинаковость ощущения и восприятия, а также их дальнейшей лексикализации, у всех людей, независимо от расовой или национальной принадлежности. Однако анализ разноязыких звукоподражательных – ономатопеичных слов убеждает в том, насколько чисто этнический характер имеет концептуализация того, что воспринимается слухом, в различных лингвокультурных ареалах.

Как известно, суть процесса звукоподражания заключается в расчленении неартикулированного природного комплекса звуков в дискретную фонемную «звукооболочку» для обозначения соответствующего звучания. В результате сравнительного анализа ономатопеичных слов в разных языках обнаруживается не столько подобие звукоподражательных сочетаний, сколько различия в их языковых воплощениях. Исследователи пришли к выводу, что слуховые впечатления, концептуализированные различными языками, отличаются тем больше, чем дальше находятся один от другого географически и культурно исследуемые языки. Отдаленные в культурно-языковом отношении этносы не только по-разному «слышат» голоса животных, но и проявляют определенную избирательность при их сенсорно-перцептивной концептуализации. Так, голос индюка проигнорирован в русском, украинском и китайском языках, но он получил сенсорно-языковую концептуализацию в английском; в русском и украинском языках нет звукоподражательных слов для обозначения голосов кузнечика, цикады и ласточки, тогда как в китайском они получили лексическое ономатопеичное выражение. Даже звукоподражательные «слова» сильно отличаются в языках одной и той же языковой группы, например, в индоевропейских языках: «кукареку» по-русски и «коклдудлду» по-английски.

В поле непосредственных ощущений этноса, или, в терминах Б. Рассела, в поле его сенсibiliй попадала прежде всего природная среда этноса (хрестоматийным является пример Б. Уорфа о наличии разных слов для обозначения снега в эскимосском языке: падающий снег, тающий снег, принесенный ветром снег, снег на земле, снег, затвердевший, подобно льду), а позже, в процессе исторического развития и самоидентификации этноса – и материальная, рукотворная среда. По удачному выражению Г.Д. Гачева, «национальный образ мира является диктатом национальной природы в культуре...» [8, с. 431]. Национально-специфические ощущения, материализуясь в языковой ткани, порождали ту особую для каждого языка субстанцию, которая в современной антропоцентрической лингвистике получила название национально-языковой картины мира.

С развитием вербальной речи эта специфика фиксируется в так называемой безэквивалентной лексике, в частности, в виде лингвокультурных кодов, представляющих глубинное культурное пространство, в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и тем самым формируя код. Коды могут включать в себя единицы, которые сами по себе не являются знаками культуры, но, будучи включены в ментальное пространство кода, становятся таковыми. Например, камень, лежащий на дороге, это просто природная сущность (первосущность, по Аристотелю), но, если его перенести на могилу, он становится знаком культуры – памятником. Выделяют целый ряд кодов культуры, репрезентированных в языке: космогонический (*быть на седьмом небе, небо призывает, белый свет, луч надежды, космические страхи*); соматический (*голова колонны, третий глаз*); пространственный (*правое дело, левый заработок*); количественный (*тридесятое царство, в три ручья, в три погибели, семеро по лавкам, на семи ветрах, за семерых*); предметный (*гвоздь программы, подошва горы*); природно-ландшафтный (*лес рук*); архитектурный (*мосты дружбы, храм науки*);

гастрономический (*хлеб да соль, соль земли*); одористический (*запах крови, пахнуть войной, дохнуло страхом*); код одежды (*до положения риз, засучив рукава, родиться в рубашке*); геометрический (*сделать круглые глаза, круглый отличник, круглый сирота, обвести вокруг пальца*) и др.

Это пословицы, поговорки, повседневно-речевые обороты, которые создают проблемы переводчикам, но зато представляют информацию о далеком прошлом народа, его повседневных обычаях, привычках, пищевых предпочтениях. Кстати, пищевой код является важным элементом безэквивалентной лексики. Специфика национального пищевого кода – ключ к особенностям культуры любого народа, в нем отражена история становления народа, своеобразие географической среды, ведущие виды деятельности и производства в древности, не говоря уже о морально-нравственных особенностях (отношение к окружающей природе, к другим людям, к себе и своим близким). С его помощью определялось социальное положение человека, описывались различные качества человека и свойства личности.

Так, у славян зерно всегда наделялось сакральным значением: до сих пор в белорусских и украинских селах с помощью зерна определяют место для строительства нового дома. Хлеб, изготовленный из зерна – тоже вид сакральной пищи, который на столе символизировал богатство, гостеприимство, был знаком божественного покровительства и оберегом от всего плохого. С данной символикой связаны такие фразеологизмы, как *хлеб насущный, не хлебом единым, хлеб всему голова, хлебосольство, хлебное место, остаться без куска хлеба* и т.д. [9, с. 47].

Примерами подобной безэквивалентной лексики могут служить названия национальных блюд, не только «примитивных», но всех других народов. На национальном языке эти названия, как правило, выражаются одним словом, на других же языках эти виды еды и блюд можно интерпретировать только описательно и очень приблизительно, поскольку исходный этнолокальный смысл отдельного блюда можно истолковать только в контексте многих неписанных правил, регулирующих сам способ употребления этой еды, ее специфические бытовые, ритуальные и другие функции; ее роль в контексте этнической соционормативной культуры и общения, ее ситуационную значимость [9, с. 47].

С другой стороны, особенности концептуализации «речевого» мира языком проявляются даже в таких абстрактных семантических категориях, как модальность, каузация, оценочность, вторичное означивание в метафорической сфере языка. Известный лингвист О.В. Падучева подчеркивает в предисловии к книге А. Вежбицкой «Язык. Культура. Познание.»: «... языки существенно отличаются степенью детальности разработки целиком абстрактных семантических полей – таких, как... агентивность, сфера эмоционального... Та или иная концептуализация внешнего мира заложена в языке и не всегда может быть выведена из отличий в «условиях ее существования» [10, с. 21].

Выводы. Перекодирование единого для всех этносов мысленного кода на вербальный в рамках конкретного языка, «дискретизация информационного континуума» определенным языком «переплавляет» единую логико-понятийную базу человечества, отливая ее в этнически обусловленные семантические матрицы содержательной структуры языка. Таким образом, в национально-языковых картинах мира, может выделяться общая часть, которая указывает на «общий понятийный базис» человечества, выступающий совместной основой естественного языка, мышления и культуры. С другой стороны, национально-специфические нюансы осмысления, ощущения и оценки реального мира, накладываясь на универсальную логико-понятийную основу, создают ту часть языковых картин мира, которая и несет в себе национальную специфику. И важнейшей детерминантой, определяющей национально-

языковую специфику, является аутопоэтическая деятельность этноса, создающая свой неповторимый, уникальный мир среди многообразия бесконечного Универсума.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 456 с.
2. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. – с.152 – 220.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд. – 1994. – 345с.
4. Уорф Б.Л. Лингвистика и логика / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Прогресс, 1960. – С. 173 – 198.
5. Кись Р. Мова, думка і культурна реальність (від Олександра Потебні до гіпотези мовного релятивізму) / Р. Кись. – Львів: Літопис, 2002. – 304 с.
6. Голубовська О.І. Національно-мовна картина світу в її лексичній іпостасі / О.І. Голубовська // Мовні і концептуальні картини світу. – К.: «Прайм-М», 2004. – 345 с.
7. Брунер Дж. Психология познания / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 415 с.
8. Гачев Г. Национальные образы науки / Г. Гачев. – М.: Просвещение, 1981. – 157 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурный код как способ описания языка / В.А. Маслова // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI в. – К.: Издательский дом Д. Бураго, 2014. – с. 44 – 52.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

УДК 130.2

I.B. Віктор

Національний технічний університет «ХПІ»,
старший викладач

ФІЛОСОФСЬКІ ВИМІРИ СИМВОЛІКИ УКРАЇНСЬКОЇ ТРАДИЦІЇ: СИМВОЛІКА ПРИРОДНОГО І СОЦІОКУЛЬТУРНОГО В ФОЛЬКЛОРИ

В статті проаналізована символіка природного та культурного, значення символу в українській традиційній культурі. Доводиться, що природні символи мають мистецьку та соціокультурну символіку, обумовлену насамперед соціальною та міфологічною ієрархією. Досліджуються образи птахів, які поєднують небесний та земний світ, сакральну та повсякденну культуру. Соловей стає уособленням мистецтва, лебідь стає втіленням досвіду та поезії, журавель стає символом шанування предків, лелека стає символом материнства та любові до Батьківщини, родини. Це обумовлено як автентичною українською міфологією, так і культурними контактами з античним та європейським світом. Особливо складна та давня символіка, її філософське та онтологічне наповнення у писанкарстві, оскільки писанка відображує давні космологічні міфи.

Ключові слова: філософія культури, українська культура, обряд, традиція, перформативний поворот, символ, культурна антропологія, міф.

Iryna Victor

PHILOSOPHICAL DIMENSIONS OF THE SYMBOLS OF UKRAINIAN TRADITION: SYMBOLS OF NATURAL AND SOCIOCULTURAL IN FOLKLORE

The article analyzes the symbolism of the natural and cultural meaning of the symbol in the Ukrainian traditional culture. It is proved that natural symbols have artistic and socio-cultural symbols, primarily due to the social and mythological hierarchy. The images of birds that combine the heavenly and earthly world, the sacred and everyday cultures are united. The nightingale becomes a personification of art, the swan becomes an embodiment of experience and poetry, the crane becomes a symbol of the veneration of ancestors, the stork becomes a symbol of motherhood and love for the